

178

Как мы уже сообщили на с. 79 этого номера, «Казанский альманах» заключил соглашение о сотрудничестве с русскоязычным альманахом «Пражский графоман». Сегодня мы публикуем повесть из этого издания

Владимир Кузнецов

повесть

Записки районного опера

Налёт на притон

Для начала следует забыть некоторые из основных принципов правосудия: «Любой считается невиновным до тех пор, пока его вину не докажет суд...

Сотрудник органов обязан вежливо и культурно обращаться с гражданами...

У каждого гражданина есть права на...».

Так вот, на самом деле нет у вас никаких прав!..

Когда уголовный розыск нечто считает нужным и важным и когда нет реальных препятствий для осуществления им своих специфических мероприятий, то у ставшего объектом его воздействия гражданина практически не остаётся прав ни на что, включая и собственную жизнь (если уж очень не повезёт, то и её отнимут без лишних церемоний!), зато новых обязанностей у него появляется масса.

Вот лишь некоторые из них: «слепо повиноваться», «говорить только правду», «никому не рассказывать про то, что с ним в угрозыске делали», и так далее... И попробуй хоть одну из этих своих обязанностей нарушить!..

Простейший пример – группа оперов отправляется в притон либо по адресу какой-либо вызвавшей у нас обоснованное подозрение криминальной личности с целью провести обыск, задержание или арест.

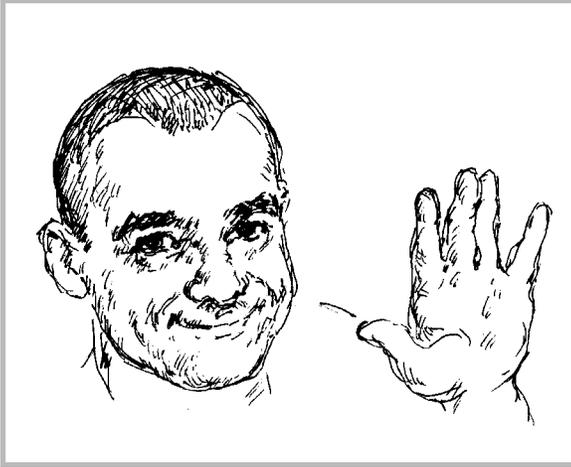
На любое проникновение в жилище нужна санкция прокурора. Лишь в отдельных случаях разрешается делать это и без санкции, позднее уведомив того же прокурора о случившемся. В ре-

альности санкцию мы берём лишь в тех случаях, когда железно уверены в правильности своих подозрений и практической надобности дать позднее юридическое обоснование всех наших действий.

В основном же наша практика такова. По адресу всевозможно сомнительного элемента (ранее судимые, наркоманы, пьяницы и тому подобная мразь) врываются без всяких санкций и последующих уведомлений. Никаких жалоб не будет. У хозяев таких адресов практически всегда рыльце в пушку, вот почему эта публика жалоб не пишет. А случись нежданное, и начни прокурор всё-таки напрягать, отбрешемся, нам это недолго. «Была оперативная необходимость, а уведомить прокуратуру не успели» – вот и весь сказ...

В книжках и кинофильмах рвущиеся в квартиру менты долго барабанят кулаками в двери, вопя: «Откройте, милиция!» Фигня, нельзя давать находящимся за дверями время для уничтожения улики либо для приготовления к вооружённому отпору. Читанные секунды требуются тому же наркоману для спуска маковой соломки, или *ширки* в унитаз и лишь чуть больше – для приготовления ствола к стрельбе... Если стучать и вежливо представляться – тогда уж в притоны лучше вообще не соваться...

Нет, на адреса мы врываемся внезапно, открыв двери излюбленной домушниками и операми «фомкой» либо сокрушив их с петель могучими ударами плеч или прихваченной с собою кувалды. Влетаем бешеным потоком,

Владимир Куземко (1957) родился в Днепропетровске. Окончил техникум (бухгалтер) и университет (историк). С 1997 года с помощью одного из сотрудников уголовного розыска пишет прозу о милиции. В результате в 1999 году свет увидела первая ласточка – книга «Опер в законе». Имеет множество публикаций в периодике. Его афоризмы читались по общероссийскому телевизионному каналу – ОРТ. Живёт в Праге

стремительно растекаясь по всем комнатам и помещениям.

Главный наш козырь – быстрота и натиск. А ещё тщательная, отработанная многими поколениями оперов на своём и чужом горьком опыте, методика действий в экстремальных условиях. Зафиксировать всех присутствующих на местах, подавить морально зверскими криками и отрывистыми командами типа «Стоять, милиция!», «Не двигаться, сука!», «Лицом к стене, ладони к затылку, ноги расставить!», «Руки из карманов, быстро!», «Присесть на корточки, живо!», «Лечь на пол!», «Тебе было сказано не двигаться, урод!» и так далее.

Ни в коем случае не давать опомниться, попытаться сориентироваться в ситуации и сбежать, что-либо спрятать

или уничтожить, а то и достать оружие наконец...

В принципе та блатная шантрапа, с которой мы преимущественно имеем дело, не враги себе, и руку на сотрудников милиции не поднимут. Учёные, знают – себе дороже!.. Но ведь есть и «отморозки», кровью меченные беспредельщики, а таким терять абсолютно нечего... Ткнёт опера «пером» в живот – и ищи-свищи его потом... Но если и найдут, и накажут, от того зарезанному оперу и его осиротевшей семье ни холодно ни жарко.

Мы, опера, все без исключения хотим вернуться к своим семьям живыми и по возможности не искалеченными. Вот почему, когда наши команды не исполняются мгновенно (а в 90% случаев так и есть, потрясённые нашим внезапным броском через проломленные двери в квартиру, люди остолбенело моргают, никак не торопясь задира́ть руки вверх, становиться лицом к стене и падать ничком на пол!), то нами молниеносно наносятся «расслабляющие» удары по почкам, конечностям, в пах, по рёбрам и в солнечное сплетение...

По голове стараемся не бить и уж тем более никогда не бьём в лицо, оно слишком уязвимо, на нём даже от поверхностных ударов остаются заметные следы: ссадины, синяки, багровые пятна и порезы. А это нежелательно. Доведись в дальнейшем отпустить бедолагу раньше, чем эти следы исчезнут, он тут же снимет побои, накает квалифицированную жалобу... По лицу граждан бьют только неопытные сосунки, но таких на опасные задержания и не берут – успеют ещё нахвататься острых впечатлений.

Как правило, оружия на подобные мероприятия мы не берём. В лучшем случае прихватываем для декорации кого-либо из дежурки, в форме и с большой кобурой на поясе. Кстати, и чтоб за бандюганов из конкурирующей шайки случайно не приняли, спутать немудрено: внезапный визит шайки оруще-дерущихся оперов как две капли воды

похож на бандитский налёт, а что назвались ментами и ксивами машут, ну так мало ли кто кем и чем нынче называется и машет!..

Но и голыми руками бить народ утомительно, лишняя трата калорий, а ведь силы надо беречь для последующих допросов, пьянок и объяснений с руководством... Многие опера пользуются спецсредствами вроде пресловутого «демократизатора», я же предпочитаю вооружиться чем-либо из хозинвентаря или мебели хозяина адреса. Молоток схватил с полки в прихожей, швабру наперевес взял, на худой конец разбил один из стульев о первую же попавшуюся под руку сволочюгу, и дальше уж начинаю орудовать оставшейся в руке спинкой стула... Хороши для подобных целей и отвинчивающиеся от кухонных табуреток ножки, единственный минус – тратится полминуты на то, чтобы сбегать на кухню и отвинтить ножку. Но зато потом она тебя не подведёт, надёжная и удобная в бою штучковина!.. Приходилось также и сковородкой наводить порядок... кастрюли на голову надевать... Однажды на одну наркоманскую харю даже чайник с кипятком опрокинул.

Помню, на адресе одной ширяльщицы под горячую руку старикашка попался, горластый такой, седенький, из ещё бодрящихся... Позднее оказалось, что халяве той пахан он, отец то есть, но тогда я этого не знал. Старик как старик, а заслуженный ли ветеран он с 25-летним «горячим стажем» или недавно освободившийся из мест заключения особо опасный рецидивист со взведённым стволом за поясом – оно ж на морде не написано, и с ходу этого не определишь... Как вломились, соска та сразу же ручата испуганно задрала, этот же возбужать начал, возмущаться... Ору ему: «Лечь на пол, козёл!»

А он в нагрудный карман полез – нехорошее движение, опасное... Я ж не знал, что он всего лишь удостоверение ветерана труда собирает мне продемонстрировать... Ну и вмазал ему превентивно коленом в пузо, а когда сло-

жился он вдвое с жалобным вскриком, ещё и стулом по спине шарханул.

Грохнулся на заплёванный пол, слезами струится, стонет жалобно: «За что?! Я всю жизнь честно отработал, а со мною – так... Ты мне в сыновья годишься, щенок!.. По какому праву руку на меня поднимаешь?!»

И чего-то сразу же я просёк, что не бандит он, но некогда было размусливать, да и не объяснишь ни хрена такому... Пнул его в бок ногой так, что покатился он, рычу яростно: «Молчи, педрила, а то хуже будет!» Заткнулся...

Потом месяц бегал по инстанциям, жалобы строчил, насчёт грубого нарушения своих конституционных прав вякал... Но следов побоев на нём нет, свидетелей – тоже (дочка не в счёт, родич, да и она, после убедительной беседы с операми, поддакивать обвинениям отца не решилась). Так и заглохло всё.

Жаль старика?.. Жаль чисто по-человечески. Не повезло ему, оказался не в тот момент и не на том месте... Но чем жаловаться зазря, сообрази лучше: мы ж и сопротивление сотрудникам органов при исполнении могли навесить, на старости лет загремел бы за решётку... Оно ему надо? А насчёт прав его, так права неотделимы от обязанностей, одна из которых – правильно воспитывать собственных детей. Воспитавай лучше дочурку, ничего б этого и не случилось!

Понятно, что когда ты не при делах и ничего общего с криминалом не имешь, то получить кулаком в брюхо для тебя удовольствие небольшое... Но поймите и меня, опера. Лучше уж я сто раз ударю в неполную силу сто разных людей (среди которых двое-трое обязательно окажутся ни в чём не виновными), чем один раз не выведенный мною из строя бандит пырнёт меня финкой и затем, скрывшись от погони, и дальше будет грабить, убивать, насиловать...

Моя жестокость объяснима и оправданна. В ней своя железная логика. Многие десятки и сотни оперативников в прошлом погибли лишь потому, что

этой логике не следовали. Ну а любителям моральных сентенций и красивых словес насчёт гуманизма и священной неприкосновенности человеческой личности скажу только одно: считаете, что так делать нельзя и что угрозыск должен работать иначе – милости просим к нам на службу!.. Идите сюда и делайте всё по-своему, а мы, опера со стажем, посмотрим на вас со стороны, поучимся... Покажите нам, ментам – «грубиянам», КАК НАДО... Не на словах – словесно я и сам кому угодно и что угодно вкручу, а на практике, личным примером...

Так ведь не идёт же к нам на работу никто из них. Чистоплюи они, гуманисты наши, куды ж ты... «Работать ментом?! Фи!.. За кого вы меня принимаете?!» Вот одной болтологией вся их забота о человечности и заканчивается.

Быстрота и отвага

Имея численное превосходство, действуем мы резко и решительно, как диктуется обстановкой. Нужно войти в квартиру – вломились без предупреждений, яростно сокрушили и подавили всех. Надо кого-то задержать на улице – навалились внезапно, при малейшем намёке на сопротивление – кулаком под дыхало, дубинкой по голове, повалили подножкой, помесили маленько ногами (но чтоб без следов на теле!)...

Однако далеко не всегда на нашей стороне численное превосходство. Иногда силы равны, а зачастую опера уступают бандитам (в численности или в вооружённости), и тогда нам приходится сталкиваться со смертельным риском. И вот тут правило одно: не показывай страха. Как бы ни тряслось у тебя в душе, бандит не должен этого видеть и понимать. Ты опер, ты на работе, за твоей спиной твоё хоть и подлое, но способное смести любое сопро-

тивление государство, и оно не поймёт, если ты струхнёшь... Хуже того, тебя не поймут твои товарищи-опера. Есть масса случаев, когда только от твоего напарника целиком зависит, выберетесь ли вы вдвоём из острой ситуации без потерь, или же вас сейчас порвут, порежут на кусочки и разбросают по окрестным свалкам, на прокорм бродячих собак... Заработаешь репутацию труса – и всё тогда. Никто с тобою на дело больше не пойдёт.

И вот, я, оперуполномоченный, к примеру, заявляюсь с очередной проверкой в притон, но застаю там не одного лишь хозяина-заморыша, как рассчитывал, а ещё и пяток нехороших, мутных людишек. Исходящую от них опасность улавливаешь кожей и как-то сразу просекаешь, что у того в кармане нож, а у этого что-то типа кастета...

И вот минус ношения при себе табельного оружия: окажись при мне «макаров» при первом же обострении ситуации не выдержат нервы, вывачу ствол, завоплю: «Руки вверх!» Хорошо: выхватил, гаркнул, упился секундным чувством собственного превосходства, а что дальше? Применять оружие нельзя: «на каком основании?!», ещё ранишь кого-нибудь, и тюряга гарантирована. Не стрелять, а просто маячить стволом – ещё глупее, главное, ведь криминалы прекрасно понимают, что применение оружия тобою в данном случае будет признано неправомерным, и поэтому применить его ты не решишься, пугаешь только... А раз пугаешь – значит, боишься!.. Боишься их ножииков и кастетов. А кто боится, тех и бьют, это – закон жизни.

Применять табельное оружие в подобных ситуациях закон разрешает оперу лишь в случае непосредственного нападения на него, но когда (и если!) бандиты решаются напасть, то стрелять чаще всего оказывается уже поздно.

Вот почему никакого оружия, и уж тем более никакого страха. Брать притон иду принципиально голыми руками. Изобьют, порежут, убьют – плевать. Ну, то есть на самом деле не плевать, но

веду я себя именно так, будто не боюсь никого и ничего, это меня пусть боятся, ведь я – опер!..

Пру танком, внаглую... Спокойно захожу, осматриваюсь, команду: «Покажи, что у тебя в карманах!.. Это на стол, немедленно!.. Ты что хамишь, по мозгам хочешь?!». А он по мозгам не хочет... Сейчас-то они могут сделать со мною что угодно, но что потом сотворят с ними мои кореша?! А ведь сотворят, за нами не заржавеет, и не только потому, что за своих друзей опера мстят, и мстят жестоко, но и чтоб раз и навсегда вколотить в этих и во всех прочих блатарей, внедрить железно в их генную память: опер – личность неприкосновенная, опера не трогать, кто опера замочил, тот не только себя под ответный удар подставил, но и всю кодлу!.. Гнида он, подведший свой же бандитский коллектив, удавить его без лишних базаров, а труп мусорке подкинуть... Типа: смотрите, мы сами уж и покарали вашего обидчика.

Но это ещё не полная гарантия моей безопасности, а полная в том, чтобы плечи мои голова украшала, а не ночной горшок... Должен постоянно сечь я окружающую ситуацию и вовремя реагировать на все изменения в ней... Вижу, что дело пахнет керосином и вроде бы меня собираются сейчас уработать, не жду похоронного марша, всегда нападаю первым. Вначале определяю, кто в противостоящей мне компашке главарь, организационное ядро, идейный вдохновитель и подстрекатель, так сказать, и гашу первым именно его. Жёстко гашу, чтобы не встал в ближайшие полчаса. Техника и тактика нанесения внезапных ударов отрабатывается заранее, всё делается чётко и продуманно.

Начинать лучше всего с чего-нибудь доброжелательного, типа «Кажись, ты тут единственный правильный пацан...» – и сразу же, без малейшей паузы, бить по глазам!.. Ошарашил, тут же ухватил за волосы и с размаху о стену или дерево – бац! Всё, в отключке он, остальные плятятся остолбенело,

а я им, весело скалясь: «Ну что, козлы, ещё кто-нибудь хочет?!». А чего хотеть-то, один хотельщик эвон валяется с раскроенной черепушкой... (Объяснить позднее проломленную голову куда проще, чем простреленное плечо или ногу: «он случайно споткнулся, упал и ударился головой, я пытался его поддерживать, но не успел...»). Закрытые в РОВД дружки «неудачно упавшие» всё подтвердят, и пусть попробуют не подтвердить!.. Даже и прокуратура цепляться не станет, увидев по материалам дела соотношение сил: один безоружный опер против 5–6 вооружённых холодным оружием блатарей... А начальство ещё и похвалит: «Ловко ты их... Молодец!»).

Но это лишь одна из схем поведения. Вообще же их может быть много. Если в одних ситуациях отступить нельзя ни в коем случае, лучше уж пусть мочат тебя, то в других прояви гибкость, удались на более укреплённую позицию... Заупрямясь сейчас – пострадаешь без всякой пользы для дела, а так выйдешь из-под удара и чуть позже, вернувшись усиленным коллегами вариантом, нанесёшь ответный сокрушающий удар!

Однажды, помню, встретил я на улице кучку юнцов. Силушка глупая в них бурлит, гормоны изнутри подпирают, узнав про моё ментовское звание, прогудели беззаботно: «Да пшёл ты, лягаш!».

Так-так... Начни возникать я, побили бы... Малолетки же, мозгов с горшину, живут только сегодняшним, про последствия не беспокоятся... Но и спускать было нельзя – оборзуют. Позднее, заматерев, больших бед могут натворить... Отступил культурно, не теряя лица: «Чтоб завтра в два пришли в Заводской РОВД, комната 412, вызываю всех для профилактической беседы!.. Не опаздывать!..» В ответ: «Да пошёл ты!..» Они думали, что дурак я и впрямь надеюсь их в своей 412-й комнате когда-либо увидеть. Дураков не боятся, их презирают и жалеют снисходительно... Побили бы они меня как

сидорову козу, месяц в реанимации – удовольствие для гурманов, а так ушёл лишь слегка оплётанным, но неповреждённым...

Ребята ещё и косячок с драпом не успели скурнуть, посмеиваясь над придурковатым мусорком, как к ним сзади подкатил «уазик» с мигалками, вызванный мною по телефону. Оттуда выскочили мои коллеги с дубинками, а из-за угла тотчас вывернулся и я, улыбающийся: «Ну что, дитятки, потолкуем?»

И потолковали... Сперва тут же, на улице, потом в обещанном им давеча 412-м кабинете... Зря они так ржали, между прочим. Ещё долго та комната будет вспоминаться ими с холодной дрожью!.. Сердитый опер – зрелище не для слабонервных. С трудными подростками нужно вести воспитательную работу, и я воспитываю их – долго, страстно, нежно... Но без следов!

«...Погиб при исполнении...»

Серьёзным бойцам опер угро не противник. Мы в основном мастера по битью, а не по дракам, для силовых акций у нас ОМОН. Ребята там плотные, быстрые, в масках и с автоматами, любую команду исполнят без сомнений... Отвечать им в любом случае не придётся, натвори они несусветку, за всё ответят те, кто отдал им приказ... Скажут такому лбом бронированные двери проломить – проломит, велят под пули во весь рост пойти – пойдёт. Таким орлам и укреплённую вражескую позицию с ходу штурмовать не слабо, и колонну беззащитных женщин и стариков разогнать – всё по барабану! Я не хочу таким быть, от постоянных встрясок и стычек разболтавшиеся мозги потихонечку выплёскиваются из ноз-

дрей и ушей, но в бесстрашии и личной отваге равных им в милиции нет.

Умный всегда побаивается, он умеет считать варианты и в любой критической ситуации пытается нащупать наименее опасный и наиболее выгодный лично для себя выход. У туповатовышколенного же нет никаких вариантов, кроме одного: приказ получен – вперёд и с песней!.. А убьют – ну и хрен с ним, главное, чтобы командир остался доволен!..

Ну а мы, опера, труса не празднуем, но и на рожон не лезем, ну его...

Забежавший в дом гопник обрез в форточку выставил, а мы что – должны под огнём к нему подбираться?! Да идите вы лесом! Лучше посидим в укрытии, за деревом потолще, или в уютной глубокой канаве. Подождём, чего он дальше творить будет. Деться ему некуда, посидит поразмыслит, да и сдастся на милость ментовскую, а не сдастся, пойдёт на прорыв – внезапно кинемся под ноги с разных сторон, повалим, затопчем кучей... Но если и не получится, если сумеет отбиться и уйти от погони, не беда, изловим позже. Вычислим, куда он мог залечь на дно, и нагрянем внезапно, не успеет и за обрез схватиться... Тогда-то с ним и пообщаемся!

Но случись самое невероятное, сумеет он вообще ускользнуть и смыться из района – ну и что?.. Скольких этих бандитов уж повязали и «закрыли» на долгие и вполне заслуженные ими сроки, и если парочке-другой удастся судьбы этой избежать, остаться безнаказанным, никакой трагедии лично я в этом не вижу. Так сто тысяч бандитов по нашей стране разгуливает, а так – сто тысяч и ещё двое-четверо, вот и вся разница. И лучше уж двумя пойманными преступниками на Земле будет меньше, чем одним убитым опером больше. Мне ведь тоже жить хочется, и из моих товарищей никто на тот свет не торопится!

А если начальство со мною несогласно и требует, чтобы я отдал жизнь в борьбе с преступностью, то пусть спер-

ва само идёт под бандитские пули и сдыхает под ними! Их мясистыми руководящими задницами только личный состав от бандитских стволов и заслонять... Станьте примером бесстрашия для подчинённых, господ командиров, не всё же вам нас под удары подставлять!..

При правильной организации дела риск для жизни и здоровья опера не очень велик. Это только в фильмах менты не выходят из перестрелок и потасовок, реальная же действительность буднична, прозаична и даже скучновата.

Но хоть и не так чтобы часто, однако же и достаточно регулярно сообщают: «сотрудник милиции тяжело ранен...» или: «...сотрудник милиции погиб при исполнении...». Выплатить мало-мальски приличную сумму компенсации семьям погибших держава жилится, урезывает сумму до минимума. Да и ту выплачивает со скрипом и позорным кривлянием, словно подачку кидает... И чтоб хоть морально как-то доплатить к тем копейкам, начальство через организованные пресс-службой УВД статеечки изображает всех без исключения погибших сотрудников милиции как беззаветных героев-«гвардейцев», сражающихся-де с преступностью как сказочные витязи и павших в схватке с превосходящими силами зла... На самом деле никакие они не герои, а такие же нормальные мужики, как и все.

Никаким героизмом сплошь и рядом там и не пахнет, а гибнет наш брат мент по собственной глупости, безалаберности, неосторожности... Скажем, при обыске задержанного дал маху, поленился ошмонать как следует, в результате, в ходе дальнейшего допроса, тот вдруг выхватил пистолет и в упор выстрелил раззяве в голову. Хорошо, напарник погибшего не растерялся, бросился на стрелявшего и после ожесточённой борьбы скрутил его.

Что самое смешное: с точки зрения руководства, героем окажется не тот, кто обезоружил убийцу, а тот, кто своей преступной промашкой позволил за-

стрелить себя и поставил тем самым под удар и своего товарища... Это о нём, бездарно погибшем, затрубят газетные заголовки: «Подвиг опера!» и «Герои среди нас!». Мёртвых похвала не испортит, потому и похвалит их начальство от всей души... Выживших же заставит долго и нудно отписываться: как это могли они уцелеть и выжить в тот самый момент, когда буквально рядом, на их глазах героически погиб их сослуживец?!

Да ладно начальство, не впервой перед ним отмазываться, но как молчаливым вдовам и детишкам в глаза смотреть?.. Они-то ситуации не понимают и думают, что раз их кормилец погиб, а я, рядом с ним находившийся, жив-здоров и цвету, как пион, то либо курва я редкостная, либо они в жизни чего-то недопонимают... Ничё, пусть лучше скотом меня считают, чем осмелюсь в глаза сказать им правду: лопухнулся их муженёк-батяня как последнее чмо, и ладно только своею жизнью заплатил за эту ошибку, а могли ведь по его вине и другие погибнуть,

Меня тоже завтра могут убить. И вполне возможно, что откину копыта я по-глупому бессмысленно и бесполезно, как и многие в этом мире... Так вот, каким бы хреном собачьим и валетным педрилой при жизни начальство меня не склоняло и сколь по-тупому ни дал бы я замочить себя какой-либо бандитской харе, но если состоял я «при исполнении», то и про меня отцы-командиры громко заявят: «Он был одним из достойнейших!»

На мои относительно пышные похороны притащится сам начальник горУВД. При жизни-то он меня в упор не замечал: «подумаешь, какой-то старлей!», а тут по бумажке скороговоркой зачитает про безмерное уважение и глубокое горе и руку моей осиротевшей супруге будет долго жать, воскликнув со слезой: «Самых лучших теряю!»

Гм... покойников наша вонючая система уважает куда больше, чем живых!.. И в этом своя потаённая справедливость: у каждого есть возможность

Необходимость
пыт

выбиться в «уважаемые», подставив лоб под дурацкую пулю. Кто совсем молод и зелен, тот и не боится, готов рисковать поминутно, а по мне так лучше уж быть живым «штопаным гондом», чем павшим смертью героя и похороненным за казённый счёт!

Героизм – это не по моей части. Я боюсь, я часто страшусь и того, что со мною на службе происходит, и тех, с кем мне приходится сталкиваться и противоборствовать.

Но у каждой профессии свои обязательства. Если я опер, то прячь неизбежные страхи в карман и действуй так, будто тебе сам чёрт не брат. Пусть завтра меня трясёт и колотит от запоздалой испуганности, но сегодня, сейчас никакого бледного лица и предательски трясущихся рук.

Говорить уверенно, смотреть спокойно и твёрдо, стоящие рядом коллеги не должны ощущать моих подлинных эмоций, и тем более не должен чувствовать моего страха взятый в обработку урка.

«Ты кому пером угрожаешь, хреносос вонючий?! Нож на землю, падаль, иначе уроем!..» Он и бросает, он меня боится, я для него сила, которую не одолеть. И никогда не узнать ему, что я боюсь его в сто раз больше!

Долго потом будет преследовать меня в ночных кошмарах нацеленное в моё сердце змеиное жало бандитской финки, ведь дрогнул я хоть на миг – и, всё, финал, конец всему!.. Бывал я в морге бесчисленное количество раз, да и по жизни покойников рассмотрел, с вывалившейся наружу требухой, с перекосенным в агонии лицом... Помните, как в «Гамлете»: ужас, ужас, ужас!.. Так что тот театральный ужас в сравнении с этим ужасом реальной жизни!..

Кто бесстрашен и могуч, не идёт на работу в угрозыск, во всяком случае в нашем РОВД я таких не видел. Бесстрашные и могучие идут в спортсмены, каскадёры, киллеры, телохранители, разведчики наконец... А в угро трудятся самые обыкновенные люди с привычным набором слабостей и недостатков, один из которых – трусость.

Криминалитет в целом – это скопище злых, жестоких и опасных людей. В общении с ними мы испытываем такой же страх, как и каждый мирный обыватель. Но у обывателя есть возможность общаться с преступниками реже, а у нас такой возможности нет. В регулярном общении с бандитами – наша работа. Государство швыряет нас на борьбу с ними, не обеспечив должным образом законодательно, материально и морально, мы чувствуем себя под постоянным прицелом, но работаем, вынуждены работать!..

И чтобы преодолеть свой ужас и выполнить поставленные перед нами цели, стремимся внушить ответный ужас своим противникам. Пусть знают, что мы ещё более злы, жестоки и опасны, чем они!.. Некоторых из них это напугает и заставит откатиться от преступных умыслов, другие станут осмотрительнее и не пойдут на какие-либо чрезмерные жестокости, памятуя про ответные меры, а третьи... Те, решившись буквально на всё, хоть на мента руку не поднимут, зная: мы не простим, и кара будет ужасной!..

Поговорим о применении пыток в милицейской практике. Истязать и мучить (физически и морально) допрашиваемых категорически запрещено всеми законами и инструкциями. Чуть ли не на каждом совещании-заседании начальство неумолимо напоминает: «Чтобы бить кого-то – это ни-ни!», но тут же, буквально через запятую, орёт надсадно: «Почему раскрываемость

преступлений в текущем месяце снизилась?! Объективные причины?.. В задницу ваши отмазки! Работать надо, а не собственный хрен от безделья сосать!.. Ищите улики, работайте со свидетелями, плотненько опекайте подозреваемых... Мне не нужны оправдания, мне нужен только результат, и чтобы результат был, ясно?!»

Куда уж ясней... Начальство прекрасно понимает, что при точном исполнении законов и инструкций результата не будет. А нужен только он, в виде конкретной цифры в отчётности. Ну и, естественно, надо и реально сдерживать преступность в определённых границах!.. Вот почему начальники молчаливо разрешают нам делать всё то, что они же безоговорочно запрещают на словах.

Разумеется, истязать и мучить попавшего в наши дружеские объятия гражданина мы можем безнаказанно лишь при соблюдении некоторых, нигде не зафиксированных, но чётко осознаваемых всеми требований.

Первое – не проси и не жди санкций на изуверства от вожаков стаи, то бишь от хитромудрых отцов-командиров, ни один находящийся в здравом уме начальник никогда не скажет мне: «Избить такого-то!», ни боже мой!.. Нет, мне лишь настойчиво порекомендуют получить признания от гражданина такого-то в такие-то (обычно очень сжатые) сроки, а как я их получу, это мои проблемы... Если смогу вежливо и культурно убедить допрашиваемого, что нет у него иного выхода, как дать чистосердечные (то есть нужные мне) показания, – хорошо, в руках опытного и грамотного опера огромный массив собранных улик и доказательств в соединении с глубинным пониманием человеческой психологии и умением использовать в требуемую сторону её особенностей – само по себе грозное оружие, способное пробить и многозшелонированную оборону... Да только откуда взяться у меня такой опытности, грамотности и осмотрительности, если в предыдущие годы все мало-мальски квалифицированные кадры из милиции разбежались

ввиду маленькой зарплаты и задвинутости органов внутренних дел государством и обществом себе в задницу. Кто в коммерческие структуры подался, кто в криминал, а остались в основном лишь те, кто по тупости и ограниченности кругозора нигде больше не смог сыскать себе тёплого местечка. Так у кого прикажете учиться мне, волей судьбы и случая пришедшему на освободившееся место?.. Не у кого набираться ума-разума, только на собственных ошибках и просчётах учиться и приходится, а пока не научился, будь уж так любезен, подменяй опытность жестокостью, знания – беспощадностью, интуицию – свирепой напористостью, авторитет классного профессионала – репутацией садиста-зверюги, о котором бандиты (пусть и с некоторым преувеличением) вполнощённо шушукаются: «У Петьки на допросе молчать нельзя, он же, сучара, запросто и до смерти заколотит!»

Второе – жестокость применяемых опером мер должна соответствовать тяжести расследуемых преступлений и оправдываться ею, а также оправдываться полученными в оконцовке результатами. А если ты готов, скажем, битых три часа месить руками и ногами какого-нибудь небрито-ободранного бомжа-синяка лишь для того, чтоб он сознался в похищении палки копчёной колбасы у базарной торговли, то не опер ты, а дурак.

Напористых болванов в угрозыске не любят и долго здесь не держат, таким самое место в ОМОНе, на худой конец – в патрульно-постовой службе... И если ты всех бьёшь, но чистосердечных показаний работающему в связке с тобой следаку не обеспечиваешь, то тогда и вовсе окончательный кретин, пальцем деланный и через задний проход рождённый.

На каждой оперативке начальник угрозыска радостно будет тебе об этом напоминать, а если ещё и кто-то жалобу на тебя догадается накатать, тогда попрут из органов с треском и с превеликим удовольствием...

Лично мне не нравится избивать и

Не каждого
и посадишь

мучить находящихся в моей власти беззащитных людей. И абсолютному большинству оперов – поверьте мне на слово! – тоже это не доставляет ни малейшего удовольствия...

Разумеется, есть среди нас определённый процент людей с патологической психикой, им нравится терзать и пытаться, вид чужих страданий их возбуждает, от этого они впадают в своеобразный кайф и чуть ли не балдеют над каждым уродуемым ими телом... Но удельный вес врождённых садистов в милиции ничуть не выше, чем, скажем, в спорте, в журналистике, в той же педагогике...

И все остальные мои товарищи смотрят на причиняемую нами вынужденно «клиентам» физическую боль и моральные мучения лишь как на один из необходимых инструментов воздействия на них в интересах правосудия.

Кто-то скажет: «Какое же оно ПРАВОСудие при таких неПРАВОВых инструментах?!» Но других у нас просто нет, уж не взыщите.

Не я делал этот мир таким, каков он есть, и не мне его менять. Сумеете построить где-нибудь новый мир, без зла и жестокости, позовите меня, я с удовольствием там поселюсь... А пока реальность остаётся прежней, пока действуют установленные не нами правила игры, я вынужден либо играть по ним, либо уйти. Но уходить некуда, по большому счёту везде одно и то же.

Я крошечный винтик в огромном державном механизме. Не нравится вам этот винтик, да и весь механизм в целом, отлично, сломайте его и создайте другой. Но совсем без государства, каким злобным и несовершенным оно бы ни было, нельзя, иначе – хаос и анархия. И пока прежний государственный механизм не сломан и продолжает функционировать, я, его составная часть, должен исправно осуществлять свои функции. Вместо меня может быть кто угодно, но и он тоже будет обязан соответствовать своим функциям, иначе в общем механизме начнутся сбои, а в стране и в обществе – безвластие и смута...

Обыватель убеждён, что милиция ради возможности объявить то или иное преступление раскрытым готова схватить первого попавшегося ей на глаза, абсолютно невинного человека, зверскими побоями заставить его сознаться в злодеянии – и дело в шляпе!.. О, если бы так, если бы и впрямь первого попавшегося... Тогда моя родная теща Анна Илларионовна давно бы махала топором где-нибудь на лесоповале, отдуваясь своей персоной за все совершенные в радиусе ста километров от неё тяжкие преступления... Но нет, теща моя всё ещё не только остаётся на свободе, но и рискует даже дважды в году (в дни рождения дочери и внучонка) появляться в моём доме безнаказанно – это о многом говорит!..

И, в частности, это говорит о том, что в подавляющем большинстве случаев мнимые признания лжепреступников нашему руководству НЕ НУЖНЫ. Всё равно на суде они от этих признаний отрекутся, посадив следака с опером и весь РОВД в придачу в дерьмо по уши...

Чтобы этого не случилось, кроме «сознанки», которая в принципе может быть и самооговором, представленное в суд законченным уголовное дело должно содержать набор свидетельских показаний и вещественных доказательств того, что преступление совершено именно обвиняемым в нём лицом, а не кем-либо ещё. Тогда и откажись бандит от признаний, на основе одних только прямых и косвенных улик суд с чистой совестью отправит его на тюремные нары... Понятно, что при большом желании улики тоже можно сфабриковать, но дело это хлопотное, требующее значительных усилий и квалификации. И, к примеру, мне, рядовому районному оперу, гораздо проще настоящего злодея найти, чем пытаться (с огромным риском лично для себя) упечь за решётку невинного.

Не забывайте также, что в нынешних условиях опытный адвокат оказывается в состоянии развалить даже самую, казалось бы, железобетонную систему улик и доказательств вины подзащитного, что уж тогда о выдуманных, высосанных из пальца обвинениях говорить...

И про низкую зарплату нашего судейства вспомните... Совсем оголодала Фемида, матёрых мерзавцев готова уж за денежку на волю отпускать (всем известная в нашем городе такса: две тысячи долларов за каждый скинутый со срока в приговоре год заключения)... По полной строгости чтобы тебя осудили, это ты должен быть ну уж совсем безденежным... Но тем более при таком раскладе в судебных делах у них всё должно быть в полном ажуре на случай возможных проверок, а то потом проверяльщики удивятся: «Там вы непонятно почему освободили такого-то, а тут осудили человека на основании такой херни!»

Так что скажите спасибо продажности наших судейских, 37-й год нынче в принципе невозможен, во всяком случае для людей состоятельных. Кого из них нынче ни отдай под суд, хоть за подрыв государства и измену Отечеству, а через пару месяцев вновь будет гулять на свободе, оправданный полностью... (Исключения из этого правила так редки, что и упоминать их смешно, и касаются они только тех, кто ухитрился встать поперёк верховной власти.) А чтобы случайно кого-нибудь из них не расстреляли раньше, чем друзья-подельники его выкупят и отмажут, заодно и смертную казнь в стране отменили... Душевное спасибо вам за это от всех прочих бандитов, господа!

Технология пыток

Итак, на одном из этапов работы опер приходит к выводу, что без применения мер физического воздействия к допрашиваемому не обойтись.

Каких-то общих правил и рекомендаций тут нет. Каждая ситуация и каждый человек должны глубинно чувствоваться. Надо чётко понимать, когда пытаться арестанта можно, нужно и полезно, а когда нельзя, бессмысленно и даже вредно для дел...

Эффективен этот метод лишь тогда, когда «клиент» слабovolен и морально нестойк, а опер уверен не только в том, что тот действительно «при делах», но и что существуют некие вещественные доказательства его вины, которые тот сам должен рассказать и объяснить. Ну а поскольку добровольно садиться в тюрьму (как ни странно!) никто особо не желает, то «клиента» надо убедить... внушить ему... Сломить его глупое и никому не нужное упрямство... Я понятно излагаю?

В технологии пыток ментовская фантазия ничего нового не придумала. Да и зачем, если старое и многократно проверенное жизнью вполне оправдывает... Перечислю кое-что из общеизвестного.

Парашют – поднимают за руки-ноги и плашмя кидают на пол. Следов на теле ни малейших, а ощущения – как у отбивной котлеты.

Слоник – классика жанра, любимая тема страшилок для журналистов: надевают на голову допрашиваемому противогаз и на пару минут зажимают трубку; у того, задыхающегося, глаза лезут на лоб, когда до полного амбре остаётся всего ничего, отпускают трубку, дают отдышаться и по новой... Недостаток метода: кто сердцем слаб может задохнуться, слишком трудно контролировать течение процесса и вовремя останавливаться, не перейдя критическую точку... (Учтите, в пытках мы ж всё-таки не асы, – практики маловато, и не на ком ежедневными тренировками оттачивать мастерство.)

Марьянна, оно же Попугай – сковывают руки наручниками, просовывают голову между колен и сковывают ноги наручниками, образовавшееся таким образом своеобразное «колесо» вешают на палку, положенную на два

стола или стула, и начинают крутить его, поколачивая...

Ну и просто побои, без прибамбас. Бьют в пах и по почкам, в солнечное сплетение и под ребро, шмалят резиновой палкой по суставам и по пяткам... Пятки – идеальное место для ударов, ибо на них практически не остаётся следов. В то же время место это чувствительное, и сюда сходятся нервные окончания многих внутренних органов.

Ещё можно подвесить на дыбу, на какой-нибудь торчащий из стены крюк, за скованные наручниками за спиную руки и бить дубинкой или стальным прутом по туловищу...

К старикам, женщинам, малолеткам и просто ослабленным применяются более гуманные, но тоже действенные методы. Скажем, зажать между двух пальцев карандаш или ручку и крепко стиснуть – это больно, можете сами убедиться... Или шарахнуть по голове увесистой книжкой – башка гудит как колокол, в глазах качается, но внешне – никаких следов.

Женщину, если у неё объёмный бюст, толстой книжкой можно болезненно шмякнуть по груди. Маленькие груди можно осторожно прижигать окурком или сжимать соски пассатижами.

...Завожусь ли я от битья? Ни капельки. Всего лишь исполняю свои производственные обязанности, спокойно, настойчиво и методично.

Равнодушие полнейшее. Пока бью, думаю о погоде на завтра или же о том, что подарить жене на 8 Марта... Нет для меня никакого наслаждения в издевательстве над слабейшим и совсем неинтересно показывать свою силу и возможности на ЗАРАНЕЕ ОБРЕЧЁННОМ. Но если моему натиску упорно сопротивляются, появляется чисто спортивный интерес это сопротивление сломить: «Ну-ка, смогу ли переупрямить этого козла?!».

Я бью, зная, что во власти избиваемого остановить меня в любую секунду, пусть только признает очевидное, подтвердит мои догадки и под всем подпишется в протоколе... И никогда не

бью тех, в чьей виновности не убеждён, это принципиально. Если лично мне надо, тогда да, тогда, чтобы заставить человека плясать под мою дудку, я ему и безвинно врежу, но ради интересов подлечного государства терзать невинного?! Не дождётесь!..

И ещё: мы не мясники. Не стоит слишком уж... усердствовать. Гениталии дверью защемлять не по мне, такое ничем не оправдано, это внутренняя испорченность. Есть предел всему, в том числе и целесообразности...

В соседнем райотделе было такое: ребята проститутку «кололи» на предмет квартирных краж с использованием клофелина. Она, ясен перец, «колоться» не хотела, держалась стойко, как Гагарин в космосе, так они то ли сторяча, то ли по пьяни, то ли хохмы ради изнасиловали её резиновой дубинкой. Елозят дубинкой и с гоготом требуют: «Признавайся, шалава!..» Тут, конечно, перебор, ненужная самостоятельность... Вряд ли те хлопцы в угрозыске приживутся...

Боль в умелых руках – действенное оружие, но не со всеми и не всегда.

Матёрого, неоднократно в прошлом битого на допросах и потому уже привычного к боли рецидивиста колотить бессмысленно. Он не из слабаков, лишь застонет под ударами, покричит, вытерпит. Раньше выдерживал подобное, так чего ж теперь ломаться?... Такого тоже можно отпрессовать. Опыт 30-х годов свидетельствует, что при правильной организации пыточного искусства любого можно довести до кондиции, до полнейшей готовности всемерно помогать следствию, рассказывать всё, что знаешь, и подписывать то, что тебе на подпись подсунут... Смогли бы и мы, тряхнув стариной, выколотить «сознанку» из самого заматеревшего душегуба, но для этого пытать его должен не один затюканный прочими многочисленнейшими обязанностями опер-пахарь, а целая бригада из 5–10 периодически сменяющих друг друга сотрудинок... И не трое положенных до предъявления обвинения или освобождения суток, а месяц

или даже больше... И чтобы знал он, стервец, что если и не сознается, то всё равно живым отсюда уж не выйдет, только мучиться дольше придётся, да ещё в отместку и жену с детьми расстреляют.

Ну и главное: допрашивающий должен быть уверен в своей правоте и безнаказанности. Он лишь исполнитель приказов. Совершаемое им государством разрешено и обществом одобрено (хотя бы внешне, напоказ, под давлением властей)... А то нынче пытаешь преступника, причём не ради себя, в гробу ты его видел, премиальных тебе за него не кинут и орден на грудь не навесят, нет, ради людей стараешься, чтоб меньше мрази по нашим улицам бродило... И тут же из кожи лезешь, чтобы не наследить ненароком, не оставить на избитом пригодные для снятия побоев следы, не попасться на горячем, одним словом.

Система сразу же от тебя отречётся, попадись ты... Всем плевать, что ради державы ты зверствовал. Державе надобно было, чтобы аккуратно, не попадаясь, а ты засветился!

Смерть на допросах

Самое вонючее, когда во время допроса «клиент» от нечеловеческой боли вдруг возьмёт да и загнётся. Приведённый (или приглашённый) на беседу к оперуполномоченному и внезапно скончавшийся во время разговора гражданин всегда смотрится паршиво.

Родичи почившего сразу же бьют во все колокола, прокуратура морщится, оравой наезжают проверяльщики, и хотя из той же они кодлы и прекрасно понимают, что действовал опер так круто не по собственной разнузданности, а исключительно во имя фундаментальных интересов государства, но надо же и меру знать!

А теперь получается, что во имя тех

же интересов кого-то должны назвать козлом отпущения, и кому ж теперь им быть, как не оперу-олуху?! Конечно, и тут можно что-нибудь придумать, и если придумано умело, то наше шибзнутое государство, так и быть, сделает вид, что верит оперским оправданиям. «В принципе парень ты нормальный, старлей, не повезло только тебе чуток...»

Скажем, кто снимает побои у потерпевших? Тоже свой, не чужой системе человек, судмедэксперт. Он многое может при желании, или если начальство ему прикажет... Приводят к нему избитого до черноты в РОВД человека, а он словно волшебные очки надел, в упор ничего не замечает, кроме следов перенесённой в раннем детстве оспы... Да и с теми, кто и вовсе откинулся, тоже можно как-то... скомбинировать.

Несколько лет назад в соседнем... да, в соседнем РОВД был случай... На адресе в собственной постели утром нашли мёртвую женщину, с некими нечёткими багровыми следами на горле. Судмедэксперт о причинах смерти высказался двусмысленно, а спавший в соседней комнате супруг покойной, 56-летний военный отставник, будто бы ничего не слышал.

Сперва тлела мыслёнка спихнуть всё на несчастный случай, чтоб не омрачать показатели «глухарём», но прокуратура сказала: «Ша!», и пришлось разрабатывать версию убийства.

Разумеется, первым заподозрили вдовца. Не смотрелся он так чтоб уж очень безутешным, да и соседи подсказали, что жили супруги как кошка с собакой. Он любил заложить за воротник и регулярно демонстрировал на весь подъезд, кто в доме хозяин; она же втихую погуливала то с тем, то с этим и хоть осторожничала, зная характер мужа, но он всё равно чувствовал, кипятился, опять-таки пил... В общем-то нормальная житейская ситуация, во многих семьях такое, но только там умеют обходиться без убийств, а у нас налицо – жмур!

Идентифицировать отпечатки паль-

цев на шею не удалось (снять отпечатки пальцев с шеи вообще практически невозможно), и тогда взялись опера за мужа... Двое суток допрашивали, сперва уговаривая по-хорошему во всём сознаться и облегчить свою участь, но светил ему минимум «червонец», поэтому «облегчаться» он не спешил, всё начисто отрицал, и что пил, и что ревновал, и что убивал... Тогда-то и стали его увечить, валяли как хотели... И на исходе третьих суток, дёргаясь на полу от ударов ногами, схватился он вдруг за сердце, прохрипел: «Ой, плохо мне! Вызовите «скорую»!..» Орлы наши, стоя над ним, лишь засмеялись: «Ты чё, дядя, окосел?.. «Скорую» ему вызывай... Может, тебе ещё и билет на Багамы купить?! Колись на мокруху, подпиши «чистосердечные», тогда врача и вызовем...» По сути, правильно они ему базарили, но не стал он «колоться», продолжал стонать: «Ой, плохо мне совсем!.. Дайте лекарства какого-нибудь!..» И хрипит при этом, горлом булькает, симулянт чёртов, словно и впрямь очокуриться задумал... А у хлопцев на столе учётная карточка из районной поликлиники, взяли на всякий пожарный, там ясно сказано: «Здоров, как буйвол!» Так чего ж он выкаблучивается, сучара?! Двинул его кто-то ногой в бок от души, мол кончай придуриваться, иди на сотрудничество с органами! «Воды-ы-ы...» – прошептал он задушенно и примолк... Полежал маленько, пока опера в коридоре перекуривали, новых сил набираясь, потом вернулись они в кабинет, стали его на стул усаживать для продолжения дружеской беседы, а он уж того... захолодал!.. Военный человек, майор в отставке загнул от простенького инфаркта!.. И хоть били бы сильно, а то ведь так... парочка пинков и затрещин...

Тут ребята малость струхнули. «Злоупотребление служебным положением», «фальсификация материалов дела», «доведение человека до смерти»... Светило им от 5 до 10 лет!.. Посоветовались они, потом подхватили бедолагу под руки, под видом пьяного (голова на

грудь свесилась, глаза закрыты, руки-ноги висят) выволокли в райотделовский дворик и на скамейку в скверике бережно опустили. Потом выждав часок, вызвали «скорую»...

Смотрелась картинка так: приглашённый в РОВД побеседовать о покойной супруге отставник, после недолгого дружеского разговора, вышел во двор, тут разнервничался (видимо, по новой переживая кончину любимой!), присел на скамейку передохнуть и очоурился. Нормальная смерть от естественных причин, не имеющая никакого отношения к недавнему допросу и, разумеется, к самим допрашивающим... Врач «скорой» и судмедэксперт поставили одинаковый диагноз: инфаркт миокарда, труп отдали родичам на захоронение, а дело о кончине женщины закрыли «в связи с отсутствием подозреваемых».

Позднее всё тот же судмедэксперт в частной беседе с одним из оперов высказал предположение, что умерла майорша тоже естественной смертью, от внезапного приступа астмы, а отпечатки на горле могли образоваться, когда она в агонии хваталась за горло, пытаясь вдохнуть воздух... Раньше бы, коновал, свои догадки высказывал!..

Ещё некоторое время мандражировали опера, боясь, что найдётся у гикнувшегося отставника влиятельный однополчанин и потребует перерасследования, но обошлось. Так история эта благополучно в архивах и затаилась...

Право на ошибку

Бесспорно, в той ситуации наши товарищи лопухнулись, не учли пристрастия экс-майора к гремучей пиво-водочной смеси, за короткое время «посадившей» его сердшко, да и потом не сумели вовремя сориентироваться в изменившейся обстановке... Шаблонов у нас быть не должно, на десять симулирующих во время допрашиваний приступ какой-либо болячки всегда прихо-

дится один действительно захворавший. В принципе мы стараемся... В лучшем случае покойник уж не даст нужных нам показаний, в худшем – за него придётся отвечать...

Но и в нашей работе случаются проколы, а у кого их нет?.. Возьми любого из врачей-хирургов, к примеру, за 35–40 лет медпрактики столько пациентов спровадил на тот свет исключительно по собственной небрежности и недосмотру, что впору на местном кладбище отдельный участок открывать. Ну и что? Продолжают спокойно работать люди, не спиваются в безутешном горе, не сюсюкают плаксиво: «Ой, а ещё я в 1979 году одной студентке-красавице с бодуна вместо аппендикса печень удалил... Спасибо дружку-патологоанатому, написал в заключении, что запущенным раком печени девица страдала... Мне до сих пор так неудобно, так стыдно!»

Профи над своими просчётами не стенают и волосы на голове не рвут. Что случилось, то случилось. Всё проанализировано, усвоено уроком на будущее, в остальном – забыто. Дальше в подобных ситуациях не прокалывайся, вот и вся мораль!..

Как ни крути, а на допросах в милиции люди нынче умирают редко. Своё дело опера знают...

Да и кто умирает-то? Шваль в основном, а не люди. Гнилушки разные, нарики, растлители, мокрушники с гопниками, прочая мразь... Не жалеть таких, а радоваться надо за тех мирных людей, кто в будущем мог стать жертвой их преступных деяний, но теперь уж, благодаря оперской ретивости, не станет... Оно, конечно, в принципе от побоев может умереть и невинный... Но никто из оперов такой дешёвой мысли до своего сознания не допустит. «Раз откинулся – значит, тем самым подтвердил свою виновность, и точка!

А иначе нельзя, иначе не работа в угрозыске будет, а сплошное хныканье и самобичевание. Чтобы я за эту нищенскую пародию на зарплату ещё и бочку на себя катил?! Хо-хо!

Если попался...

Но если опер сработал нечисто, наследил и не смог железно доказать свою непорочность, тогда всё, суши вёсла, паря!

Во имя спасения собственной шкуры начальство от любого из нас отречётся аж бегом. Что прогонят со службы без малейшего учёта прошлых заслуг – это автоматом, но ведь и под суд отдадут, падлы!

Только и останется оперу разрыдаться в своём последнем слове: «Простите меня, граждане судьи, затмение какое-то на меня нашло, сам не пойму, как поднялась у меня рука на гражданина допрашиваемого. Нет мне пощады, разумеется, но всё-таки умоляю – простите Христа ради...»

Но хрен простят, коль напортил как мог: окурки о «клиента» тушил, ножки стула ему в задний проход засовывал, головёшкой об угол сейфа постукивал... Да будь оперу судмедэксперт даже братом единокровным и то не смог бы всех тех кровоподтёков и порезов не заметить, на что ж он рассчитывал, гондон?! Так подвести родное начальство... В тюрьму его, на долгие годы!

Кстати, некоторые наивняки на суде пытались не каяться, а вину свою перевести на несовершенство системы, а заодно уж и собственное начальство изобличить... Дескать, мы лишь жертвы обстоятельств, мы ради общественного блага старались, и кто ж повинен, что иначе у нас служить Отчизне не получалось. Да и потом, все прочие опера делают абсолютно то же самое!

Суд подобные «откровения» выслушивает с угрюмой злобой – сука, коль уж попался, имей хоть мужество никого за собою на дно не тащить, и приговор подобным «обличителям» обычно на годик-два строже обычного.

Но подобные накладки бывают раз в сто лет. Мы ж – профессионалы, ядри твою мать, что б ни натворили – ещё попробуйте нас ушучить!

Кстати, знаю простой способ добиться от мента «сознанки» в совершённых преступлениях: надо пытать его точно так же, как он пытал других. Поверьте, любой из нас расколется быстро. Но за чрезвычайно редким исключением, арестованных сотрудников милиции на допросах не бьют, разве что начальство напрямую прикажет. Но оно на столь противозаконный приказ никогда не решится, а по собственной инициативе ни один опер своего пусть и бывшего, но коллегу в застенках и пальцем не тронет. И ежу понятно, сегодня с ним такое, а завтра, может быть, и с любым из нас... Мы не крысы. Своих не жрём!

К сменившим ментовский мундир на арестантскую робу отношение коллег презрительно-жалостливое: «Не повезло придурку!»

Отцы-командиры ещё пару месяцев поминают их на оперативках и совещаниях: «...из-за какой-то паршивой кражи, желая выслужиться на её раскрытии!» И тут же, буквально через минуту: «Почему снижается процент раскрываемости квартирных краж и краж госимущества? Как это не хватает полномочий?» Мозгов у вас не хватает, недоноски, вша халтурная, амбре солёное, если через неделю не выдадите на-гора парочку домушников-«серийников», прогоним в шею, нам бездельники не нужны!» Вот так и живём, так и работаем.

Ещё из «ПЫТОЧНОГО»...

Вообще же среди нас, оперов, говорить на «пыточную» тему не то чтоб не принято, а... В общем не любим мы подобных тем, вот что!

Мы же в целом нормальные люди, и никому из нас (за исключением разве что врождённых садистов) превращать человека в измордованное животное не в радость, просто служба у нас такая...

Не ты, так другой, но всё равно кто-то должен и этим заниматься... А некоторые, наиболее жалостливые, и не бьют никогда. Если возникнет потребность в физическом воздействии на «клиента», идут к кому-либо из более склонных к подобному коллег и просят: «Юрка, поработай-ка с тем гопником, а я тебе за это потом одно раскрытие в следующем месяце уступлю!» или: «Семёныч, с меня пара пива, если сейчас той потаскушке фитилей наставишь...» Отлучаешься на часок, твои кореша отрабатывают заказ на совесть, потом ты возвращаешься, «сочувствуешь» избитому в твоё отсутствие; (да как же они посмели?!) тот видит, каким добреньким смотришься ты на фоне своих злобных коллег, и от острого нежелания вновь попасть в их безжалостные руки начинает колотиться...

Некоторые принципиально не бьют женщин. Либо всех, либо, скажем, только беременных (вот я, к примеру, никогда беременных женщин не бью)... У других рука не поднимается на стариков (всё какой-то давно усопший родной дедушка вспоминается). Третий скорее удавится, чем изобьёт инвалида, а то и просто хорошего человека (хорошие люди тоже, между прочим, совершают преступление!), да мало ли...

Иногда случаются совершенно особые ситуации, скажем, доставили на допрос моего школьного приятеля. Не стану же я лучшему дружбану детства яишню тисками зажимать, а по ходу дела выясняется, что не мешало бы... И опять-таки ищу того, кто мог бы меня в этом заменить.

Можно и вовсе без побоев обходиться. Некоторые виртуозы морально кого угодно так отпрессуют, что и кулаками размахивать не придётся. Всё-таки к физической боли человеческий организм потихонечку приспосабливается, и за каким-то её порогом включаются защитные механизмы. Тогда боль перестаёт восприниматься, она как бы испытывается кем-то иным, не тобою, и организм перестаёт на неё реагировать.

Моральные же пытки задевают человека глубже и вернее, психика не в состоянии выдержать их нестерпимой тяжести, при умелой организации процесса и достаточно большого запаса времени у допрашивающего «клиент» либо «колется», либо сходит с ума. Поведение последних обычно возмущает опера до глубины души: «Поехал крышей, а таки не расколосся, гнида!..»

Вот ещё некоторые достойные упоминания нюансы. Пытать «клиента», согласно неписаным традициям, можешь только ты, либо же если и кто-то другой, то только по твоей просьбе. Никто иной из присутствующих в кабинете его и пальцем не тронет, это твой человек, ты его привёл и с ним работаешь, только ты и в ответе за всё, что с ним приключится. Случись что, дрючить будут только тебя, он – твой целиком и полностью на всё то время, что находится у тебя в производстве... Но и лавры победителя в случае успеха достанутся только тебе, ну ещё и твоему непосредственному начальнику, разумеется.

По этой же причине никто из коллег не имеет морального права тебя останавливать, хватать за рукав с гневными воплями типа «Товарищ старший лейтенант, как вам не стыдно?! Вы же причиняете боль живому человеку!» Или, более натуральной: «Федька, ты чё, окосел?! Забьёшь же его, как мамонта!..» Никто, повторяю, НИКТО не сунет свой длинный нос в твои манипуляции с объектом. Раз ты повалил его на пол и с разгону бухаешь по грудной клетке тяжёлыми сапожищами, то, стало быть, так и надо. С некоторыми можно только так, иного разговора они не понимают...

Немножечко только мешают душе-раздирающие вопли твоего голосистого собеседника, аж по ушам слушателей бьёт... Тут набегаешься за день, напашешься, изнервничаешься, и без того стрессов через край, а теперь и подрюгу этого невольно слушай.

Опять же слюна во все стороны брызгает, кровь летит каплями, попадёт на

чей-нибудь свежевыглаженный пиджачок или свежестиранную рубашку, придётся гладить и отстирывать по новому, денег на стиральный порошок не напасёшься, да и супруга замучит дурацкими вопросами, не кровь ли трахнутой тобою девственницы оросила только вчера отстиранную ею сорочку.

Так что если видят коллеги, что ты уж совсем увлёкся выбиванием пыли из малопочтенного гражданина задержанного и в ближайшие час-два кончать не планируешь, то они как-то сразу, всем скопом, исчезают – рассасываются по окрестным пивнушкам и забегаловкам, дабы отдохнуть душой от текучки буден, дав тебе время в гордом одиночестве увлечённо и страстно выпытывать у «клиента» вечные тайны мирового бытия и информацию о том, не он ли случайно грабанул на прошлой неделе коммерческий киоск в Соколином переулке...

Рассуждая абстрактно, на ну очень уж громогласные вопли, kloкочущие стоны и прочие непотребные звуки пламенной схватки правосудия с преступностью в твой кабинет может заглянуть начальник угрозыска. Стараясь ни с кем не сталкиваться блуждающим взглядом, буркнет с легким недовольством: «Ты там того... закругляйся!.. А то уж прохожие с улицы заходят и у дежурного интересуются, что за херня на 4-м этаже творится?»

Но на практике обычно никто из руководства ничего не слышит, оно у нас в таких случаях и глуховато, и подследловато... А через дорогу, в расположенном напротив здании районной прокуратуры, тоже на крики в РОВД внимания не обращают. Мало ли кто и чего там шумит... Может, прочитали только что в газете очередной Указ Президента и теперь громко выражают всеобщее одобрение... Кого-то бьют? Не может быть!.. Пусть пострадавший жалуется... И если сумеет доказать, что кричал именно он и опер тому виновник, тогда отправим опера на нары, не впервой... Оперов у нас много, нам этого добра не жалко...

Сознается –
сядет...

Интересный вопрос: но что случится, если какой-либо опер-желторотик всё ж попытается помешать рванувшемуся к мировым рекордам пытливости коллеге или, что много хуже, накатает на него рапорт вышестоящему руководству и в прокуратуру: так и так, мол, «самым наглým образом на моих глазах нарушалась капиталистическая законность, требую наказать виновников по всей строгости наших самых гуманных в мире законов...»

Ну и что? Во-первых, не накажут виновника, «У вас есть доказательства?.. Ах нет... Смотрите, и сам якобы избитый в своих письменных объяснениях не подтверждает приведённые вами факты... Так как же прикажете вас понимать?..»

Во-вторых, даже если и вздумай на этот раз начальство пожертвовать «засветившимся» опером, слить его судьбу в устрашение всем прочим, «чтоб не слишком увлекались», что от этого изменится?.. Другие продолжают, ибо без этого в наших конкретных условиях система не будет работать!

Зато себе лично, в-третьих, ты навредишь этим рапортом капитально. Сослуживцы тебя в упор перестанут замечать, лучшие дружки руки тебе не подадут, и единственное, что тебе останется, – это немедленно уволиться из органов и уехать далеко-далеко...

Бить преступников – не стыдно и не позорно. Грязная работёнка, да... Но необходимая и неизбежная. Чертовски неприятная, но важная и нужная обществу. До нас это делали, мы это делаем, после нас это ещё долго будут делать. Таков мир, кто пытался его изменить и пробить головой стену, те давно уж поотбивали себе рога и смиренно гниют на кладбище.

Пытать не стыдно, но стыдно доносить на товарищей.

Стукачам – позор!.. Кто своего напарника заложит и крючков на коллег навешает тот и есть манда вонючая, больше никто.

Как ни высмеивала перестроечная пресса приписываемые Вышинскому слова: «Признание – царица доказательств», но на сегодняшней практике так оно и есть.

В ряде случаев всё обстоит так: сознается «клиент» в своей вине, начнёт сотрудничать со следствием, покажет на воспроизведении весь процесс совершения преступления, укажет места, куда спрятал орудия преступления и добычу либо же назовёт лиц, кому он её сбыв, и сядет в тюрьму.

А если не сознается, то ввиду отсутствия серьёзных улик и доказательств его придётся отпустить на свободу. То есть нам, операм и следователю (если уж возбуждено дело), предстоит убедить человека добровольно сесть за решётку. Ясен перец, сделать это нелегко... Как ни странно, но лишаться воли никто не хочет.

Скажут: «Ну так и ищите улики с доказательствами!» Так в том-то и суть, что в ряде случаев их нет и быть не может... Не понимаете? Тогда вот конкретный пример для наглядности... Вечером напротив арки 34-го дома по улице братьев Гримм некто в куртке и кроссовках остановил спешащую домой 17-летнюю гражданочку Смитлицкую. Прижав к её нежному горлышку грубую сталь клинка, он потребовал отдать ему самое дорогое... Нет, не её незапятнанную совесть имел он в виду, не девичью честь, не паспорт полноправного гражданина Отечества, совсем другое. Он грубо сорвал с её пальчика золотое колечко да вырвал из ушей маленькие золотые серёжки... Почему при этом ещё и не изнасиловал юную красотку, гадать не берусь, но предполагаю, что обидел он её этим крепко.

И когда грудастая деваха примчалась в райотдел с заявкой на грабителя, то мотив жалобы на уклонившегося от ударного траха негодяя отчётли-

во чудился если не в самих её словах, то в интонации. (Предполагаю, что злодей решил таким образом её лишний раз унижить, дескать мне настолько плевать на тебя, что даже не буду тебя иметь!)

Молоденьких, симпатичных и обиженных криминалом девушек в угрозыске любят. Не стали мы мурыжить заявку Смитлицкой, а наоборот, подсуетились, притащив и положив перед нею на стол несколько альбомов с фотографиями проживающих в нашем районе ранее судимых лиц.

И – о, радость! – среди прочих харь, морд и рыл одно она смогла опознать как принадлежащее своему обидчику. Им оказался Петренко Эрнест Николаевич, 28 лет, успевший уже в свои нестарые годы совершить две ходки в зону за тяжкие телесные и разбой.

Схватили орлы-опера за жабры Эрнеста Николаевича (в просторечии он отзывался на кличку Гиря) на адресе у его сожительницы Верки Тарасовой, кличка Колумбина, и поволокли на очняк с пострадавшей.

«Он это, точно! Узнала я его!» – радостно ткнула пальцем жертва гопа, по наивности своей убеждённая, что одних её слов вполне хватит, чтобы бандита немедля осудили на вечную каторгу, с предварительным отпиливанием его гениталий тупой ножовкой. Но, увы, и к её, и к нашему огорчению слова Смитлицкой были всего лишь её слова, которым гражданин Петренко противопоставил свои, не менее убедительные: «Знать не знаю эту соску, вижу впервые в жизни, никогда её не грабил и вообще давно уж завязал с уголовным прошлым... А что нигде не работаю, так то временно, завтра же собирался идти в ЖЭК устраиваться дворником...»

Уличающих Гирю и подтверждающих слова пострадавшей свидетелей нет, описанного ею «стального клинка» при обыске у задержанного не нашли, золотишко он наверняка уж успел толкнуть на рынке какому-либо «неустановленному лицу», на вопрос: «Чем зани-

мался в момент совершения преступления?» – отвечал спокойно и веско: «Был дома, Колумбину раком ставил!». Не подкопаешься!..

Если заглянуть в Уголовно-процессуальный кодекс, то отсутствие доказательств вины подозреваемого является вернейшим доказательством его невиновности, это аксиома. Так что по всем правилам и инструкциям если в течение 3 суток не заявит сам гражданин Петренко под протокол: «Именно я совершил этот позорный поступок, подняв руку на безопасность и личное имущество беззащитной девушки, и потому решительно требую наказать меня по всей строгости наших самых гуманных в мире законов, с учётом ранее уже имеющихся у меня судимостей!», то следует тогда отпустить его на свободу, с обязательными извинениями, расшаркиванием ножкой и услужливым распахиванием перед ним райотделовских дверей на прощание.

А то, что трепещущая упругим бюстом гражданочка Смитлицкая продолжает настаивать на своём опознании охальника, так она запросто могла и обознаться, а то и просто врёт... Проиграла рыжьё кому-то в карты, подарила какому-нибудь очередному Казанове или же доверчиво отдала «на минутку» цыганкам на улице и не решилась признаться в том родителям, вот и сочинила версию об ограблении. А фотогеничная физиономия Эрнеста Николаевича в альбоме на роль гопника приглянулась ей больше всего, так она его и «опознала»... Это с точки зрения закона.

Мы же, опера, со своей точки зрения ясно видели, что он это, Гиря, с девки золото содрал, и посадить его нужно сто пудово, – больно уж человечиска гнилой... При следующем «гопе» такой запросто и ножиком по горлу полоснёт, чтоб его уж никто не смог опознать. И тот труп будет на нашей совести.

Легко осуждать кого-то со стороны, пока сам не окажешься в такой же ситуации, не увидишь её изнутри.

Будь Гиря первоходкой...

«Лучше выпустить десять виновных, чем напрасно осудить одного невиновного!» – наверняка не раз это слышали, верно?.. Так вот, двумя руками подписался бы под этой бодягой, не знай твёрдо, что эти самые «десять виновных», отпущенные на свободу, будут и дальше воровать, грабить, насиловать и убивать тех самых «невиновных», во имя защиты интересов которых их-де и отпустили. Так что на самом деле вопрос стоит так: или я кину за решётку помимо десяти настоящих злодеев и одного честного человека, или же несколько десятков этих самых честных людей будет обворовано, ограблено, изнасиловано и убито отпущенными мною за «недоказанностью» мерзавцами... И какой выбор сделаете вы на моём месте?..

Мне скажут: «Наказываться должны ВСЕ виновные, но в строгом соответствии с законом!» Звучит убедительно, но это именно «звучит». За этими красивыми словесами стоит слабость законов и бессилие их защитников. Мы не можем, просто не в состоянии наказать не то что всех преступников (это – недостижимый идеал для любой страны), но и хотя бы покарать достаточно большую, с точки зрения общества, часть криминала, не нарушая при этом повседневно и повсеместно те или иные из наших законов и норм морали. Подчёркиваю, речь идёт лишь о тех случаях, когда опер абсолютно убеждён (если не на 100, то как минимум на 98%) в виновности «клиента», но не в состоянии доказать её законными и высокоморальными способами, и тогда выбор невелик: или нейтрализовать бандита любыми способами, включая антизаконные и аморальные, либо молча позволить ему и дальше лишать людей их имущества, здоровья и жизни...

Итак, трое суток, целых 72 часа имеются у меня для того, чтобы побудить Гирю к чистосердечному раскаянию и явке с повинной.

Никакого труда не составляла бы работа с Петренко, будь он новичком-«первоходчиком», доверчивым и наивным молодняком, не имеющим никакого опыта общения с ментами.

Широко улыбнувшись ему как брату-единоутробнику, настезь распахнул бы я перед ним гостеприимную душу, и увидел бы он тогда быющее в моей груди доброжелательное и горячо любящее Гирю сердце, не ведающее фальши и не умеющее врать!.. Мёдом потек бы мой голос: «При любом раскладе сядешь, Эрнестик, так что в полнейшей ты безнадёге... Смитлицкая тебя опознала, и ещё куча свидетелей сыскалась... А потом устрою вам очную ставку... Но если сейчас раскаешься ты от чистого сердца, если с самого начала следствия проявишь сознательность и желание загладить вину перед правосудием, то разве ж мы не пойдём навстречу твоему столь понятному желанию остаться на свободе? У адвоката появятся железные аргументы в твою защиту, сам прокурор выскажет просьбу ограничиться в отношении тебя, хорошего и пригожего, исключительно «условняком», а судьи, они что, нелюди? Нет, и они снихосходительны к тем, кто вовремя раскаялся... Но даже если произойдёт что-то небывалое, то и тогда отделаешься годом-двумя общего режима. И отсидишь их нормально, без эксцессов. Администрация тебя в обиду не даст, «правильного» зека всегда есть кому защитить. Пролетит срок птичкой, не успеешь и глазом моргнуть. Ещё и поспособствуем прямо в колонии поступить заочно в какой-нибудь институт. Будешь сидеть за решёткой и учиться, чтобы время даром не пропадало, а на экзамены и зачёты тебя «автозак» свежёт. Но это в том случае, если с нами ты, а не против нас, усекаешь? А начнёшь в «несознанку» играть, корчить из себя «подпольщика», короче, откажешь-

ся от чистосердечного сотрудничества со следствием – мотать срок всё равно тебе придётся, больно уж влип ты... Но не такой срок и не так... Не три на два и даже не «полторка» общего светит, а все шесть «с прицепом», да ещё и режим усиленный...

Ты ж понимаешь, это не санаторий... Унижать тебя станут, бить каждодневно, спать будешь только у «параши»... Опидорастят обязательно, это как закон... Заболеешь туберкулёзом, заразишься СПИДом, после освобождения (если доживёшь!) сгниёшь медленно и неотвратно, чуя копошащихся в твоих гнойных ранах могильных червячков... М-да...

Я тебя, Эрнест, не пугаю, не предупреждаю даже... Ты и сам парень башковитый, всё и без меня прекрасно понимаешь. Нет, я только заранее сочувствую, вот и всё... Ты ж клёвый пацан, зачем тебе ЭТО? Дай «явку с повинной» – и спи спокойно, зная, что твоя судьба – в надёжных руках!..»

Так внушал бы я ему, и он мне почти поверил бы, но с примесью некоторой неуверенности, которую он бы и высказал тоненьким баритончиком, истекая соплями и слезами от жалости к себе, бесценному: «А вот сосед по камере, Пашка Медведев, другое говорит... Мол, не сознавайся ни в чём. Мол, это только за кражу, ежели она первая и украденное возвращено, могут условно дать, а за вооружённый грабёж задержишь минимум года на четыре, если сознаешься... А не сознаешься, может, со статьи и соскочишь...»

Моему возмущению нет границ. «Он сказал тебе такую хреновину?!» – переспросил бы я насмешливо, громко захотав в адрес сунувшего нос не в свои дела Пашки Медведева (позеленел бы от ужаса Пашка, услышав, что в моём хохоте для него персонально кроется).

А потом как дважды два доказал бы я Гире, что закон, как флюгер, куда мы со следяком его повернём, туда и ветер дуть будет, это и ежу понятно, какие тут ещё сомнения?.. Подписывая

«чистосердечные» и гуляй на воле с чистой совестью...

И всё равно не захотел бы он ставить в моих бумаженциях свою подпись, боясь подвоха. Сам подлый, и от других подлянку ждёт, зараза! Но я ненавязчивый... Отлучился бы на пару часов («За сигаретами схожу, а ты пока с моим коллегой пообщайся!»)

...Свидевшись с парой сексотиков и успев в пивнухе за углом оприходовать бокальчик пива с таранькой, возвратился бы в свой кабинет.

Коллега, распарившись так, словно в бане побывал, с закатанными по локоть рукавами рубашки, в глазах усталость и чувство исполненного долга, при моём появлении обрадовался бы: «О, наконец-то!.. Мне на обед пора...»

И убежал бы, успев шепнуть, что с меня бутылка... Ну, это мы ещё посмотрим, чего он тут добился...

Оглядываю притаившегося на табурете Эрнеста Николаевича... А чего у ребятёнка такие нынче гляделки выпученные? И на мордышке – припухлость, словно бился головкой о что-то твёрдое, но не оставляющее видимых следов...

Участливо спрашиваю, что случилось... И тогда, испуганно понизив голос и поминутно оглядываясь на дверь, взхлёб сообщает мне Эрнест Николаевич вещь невероятную и неслыханную: только что в помещении уголовного розыска его ПЫТАЛИ!!! Да-да, самым настоящим образом, как в фильмах о фашистах, и даже ещё больнее. И не раз, не два, а много-много раз. Все два часа моего отсутствия делали Эрнесту такие бяки-буки, что и непонятно, как сумел пережить такое бедняжка...

Я ахаю и охаю. Из глаз растроганного моим сочувствием бедолаги на мою грудь подозрительно капает. Я оттираю его слёзы выуженной из мусорной корзины замусоленной ветошью и активно солидарничаю с его гневной жаждой возмездия. Поведение моего коллеги и мне самому кажется неслыханным, непростительно жестоким. С чего бы это он так?..

Но тут же я припоминаю, что на прошлой неделе бандиты схватили и жестоко надругались над детьми, женой и тещей моего товарища. Вот он, видимо, обозлённый зверствами криминала, слегла и того... перестарался...

Да и вообще, осторожно развиваю я тему дальше, в милиции не одни ангелы служат... Не все здесь благовоспитанные джентльмены вроде меня, есть кадры и поглубе... И чтобы я в дальнейшем имел возможность всячески защищать Эрнеста Николаевича от их невоспитанности и невоздержанности, то должен он помочь мне, доказать своим поведением: «Я хороший, меня не надо зверски избивать... Я и сам всё расскажу!»

И услужливо подставляю я грудь под щёку разрыдавшегося от радости простофили, и сую ему в руку шариковую ручку, и подписывает он давно уж приготовленный протокол с уличающими его признаниями, и сообщает заодно уж, где находятся нож и награбленное...

И идёт в «зону» если и не на все шесть «с прицепом», то как минимум на четыре полновесных годка изоляции от прелестей вольной жизни...

Вот так по молодости и желторотости дурачки обычно и поднимают с пола первый срок. А покажи силу характера, сумей устоять перед уговорами, через трое суток вышел бы на свободу.

Работа с опытным

Но, повторюсь, наш Гиря учёный-крученый, все ходы-выходы знает, с ментовскими штучками знаком не понаслышке... Тюрьма научила его трём надёжным истинам: не верь, не бойся, не проси!.. Знает прекрасно Гиря, как важно уметь молчать и насколько непоколебима его позиция, пока он в «чисто-сердечных» не запутается и «сознанку» на свою шею наподобие пудового камня не повесит. Трудно такому рога обломать...

Но можно!.. Даже самый заматеревший рецидивист – всего лишь человек, зачастую не слишком умный, и даже обязательно не слишком умный... Кто побашковитее, те в университетах преподают, толковые книжки пишут, на худой конец в банках председательствуют, а не занимаются уличным гопом. Можно его развести, хоть и сложно... Но нужно!

У меня – куча преимуществ. Он один, а нас, неугомонно-пытливых оперов, много.

Мы бодры и неутомимы, и после службы нас ждёт дома жена и сытый ужин. Он же измотан непрерывными допросами, после которых дожидается его вонючая камера, жрать же все трое суток ему и вовсе не дадут (в «обезьяннике» кормить не обязаны!).

Он полностью зависит от меня, на какое-то время в каких-то границах я получаю полную власть над ним и могу сделать ему ой как многое, в то время как он мне ничего.

И, наконец, он сражается исключительно за свои шкурные интересы, за то, чтобы иметь возможность и дальше пить водку, трахать баб, грабить прохожих... А я отстаиваю общественное благо и справедливость. Общество не хочет видеть Гирю ненаказанным, и я исполняю эту волю общества, давлю на Гирю всеми имеющимися у меня способами.

Попутно, уточню, мои коллеги носят по району, пытаюсь-таки сыскать и свидетелей, и покупателей «рыжья», и описанный пострадавшей ножик с возможными на нём отпечатками пальцев... Одно этого ножа хватило б, чтобы навесить на ранее судимого Гирю срок за ношение холодного оружия, даже если от самого разбоя он и сумеет отвертеться. Но ничего. Ни-че-го!..

И вот сидит бандит на табуретке передо мною.

Тикают часики на стенке, отсчитывая минуту за минутой отпущенные законом 72 часа. Я дёргаю одну за другой все ведущие к Гире ниточки, отслеживая его реакцию, игру его лицевых

мускулов и особенности жестикуляции, пропускаю через своё сознание каждое произнесённое им слово, каждую его угаданную мною мысль, каждый взгляд, каждый вздох, каждый чих...

Его задача – устоять, удержаться на железобетонном: «Ничего не знаю, ничего не делал, ничего не докажете!» Моя – вывести его из равновесия, побудить действовать, попытаться как-то сманеврировать и уточнить свою позицию, при этом рано или поздно он обязательно ошибётся, и тогда он мой!.. Но не раньше...

Я должен посадить его. Я обязательно должен это сделать! Чувствуется в нём некая звериная сила и бесстрашие загнанного жизнью в угол волка. Он по-настоящему опасен, и из поединка со мною, удайся ему его выиграть, выйдет ещё более опасным и уверенным в своей неуязвимости.

Как опытный боец, начинаю с морального прессинга.

«Козёл, быдло, бляха траншейная, курва! Ты что сделал?! На кого руку поднял – на девчонку, почти ребёнка! Весь райотдел возмущён!.. Придурок, неужто ты надеялся уйти от кары?! Да мы тебя всем угрозыском квасить будем! Кровью захаркаешь, падаль, мухомор гнилушный! Кранты тебе, амбец полный! Ты понял, сучара?!»

И так часа два, пока голос не охрипнет. С обязательными пощёчинами, оплеухами, лёгкими и не очень лёгкими затрещинами, так слова звучат убедительней.

Но на мои оскорбления он не реагирует, от моей пытливости лишь морщится, на вопросы отвечает монотонно одно и то же: «Не знаю... Не делал... Не докажете!..»

Чего он ждёт – моей вспыльчивости и сделанных под горячую руку глупостей? Не дождётся, нервы у меня крепкие. Шесть с половиной лет супружеской жизни – это ж даже не вуз, а аспирантура!

Только что я вроде бы кипятился – и уже абсолютно спокоен, улыбчив, угощаю Гирю «Примой» из специально

лежащей у меня в сейфе для этих целей пачки... Мне такое курить запахло, а ему сойдёт.

Разговор теперь идёт совсем другой: «А ты ничё держишься, брателла... Крепок на излом, я таких уважаю. И вообще пацан нормальный. Но всё равно хана тебе, понял? «Червонец» автоматом схлопочешь. У девахи, которую ты грабанул, отчим – завотделом в райисполкоме, власть!.. Так что дано указание навесить на тебя «делюгу» лет на десять, никак не меньше, и раньше срока не выйдешь, отсидишь полностью, за этим специально проследят. На волю выйдешь уж под сороковник. Седой, больной, никому не нужный. Мда!.. Конечно, есть шанс как-то договориться... Ты меня понимаешь? Я лично против тебя ничего не имею, в чём-то мы даже похожи. Просто твоё хобби грабить, а моя профессия ловить грабителей. Слушай, а ведь сумей мы сейчас добазариться, и разбой я, так и быть, переквалифицирую на «грабёж». Выкинем из дела про ножик твой. Ты меня понимаешь? Девку я уговорю изменить первоначальные показания, и от её дядьки-исполкомовца как-нибудь отбрешусь... И тогда вместо «червонца» светит тебе жалкий «пятёрочник», это точно!.. Гад буду, если не исполнится... Ё-моё, промелькнут года – глазом не моргнёшь!.. А хочешь, приличного бесплатного адвоката тебе сварганю?» И в пылом желании поспособствовать Гире скостить срок хватаюся я за телефонную трубку и названиваю в коллегию адвокатов, но по набираемому мною номеру почему-то всё время занято.

Не сочувствует моим усилиям в его же пользу Гиря, не собирается подпустить к себе ближе чем на расстояние пистолетного выстрела подобранного мною для него защитника...

На этой стадии нашего общения начал я задумываться над вопросом: а не подвергнуть ли гражданина Петренко жестоким пыткам? Но он не сломается, не такой человек. Бит в прошлом уж неоднократно, и без всякого эффекта, так

чего ж мне теперь от него ждать иного? Наоборот даже, нельзя его пытаться по-настоящему... Вполне способен он нарисовать «сознанку», якобы начнёт «чистосердечничать», поверю я ему, расслаблюсь, он на воспроизведении расскажет всё в общих чертах, ещё где-либо схимичит, зато на суде всплывёт всё это, с жутко неприятными для меня комментариями. Каждую туманность в деле изобразит Гирия на суде как результат моего злодейского фальсифицирования материалов дела, если ещё и подвезёт ему попасть в струю какой-нибудь очередной кампании борьбы за чистоту милицейских рядов, то его выставят как разоблачителя «оборотня в погонах» (меня то есть) и в знак благодарности освободят прямо в зале суда. Нет, ломать Гирию надо основательно, фундаментально, с полной гарантией того, что он и в будущем не станет выкидывать фортели. И побоями этого не добиться.

Так что продолжаю я в упор смотреть на бледного от предвкушения своих будущих страданий арестанта. Готов он внутренне к боли, ждёт её... Ещё один довод за то, что пытаться его нельзя...

Двое суток из отпущенных мне законом 72 часов уже прошли, ничего я не достиг, а почему? Думал плохо, вот что! Оперативную комбинацию скомстрячить следует, и не простую, а с выдумкой, с изюминкой, чтоб прочно сел Гирия на мой крючок.

Начинаю смутно жалеть, что не беременна Колумбина от Гири на месяце этак восьмом или девятом. Тогда просто, тогда я в дамках.

Посадили бы её на стул напротив сожителя, и начали бы легонечко тыкать дубинкой в пузо. Нет, не я, спаси и помилуй! На беременную женщину руку не подниму ни за какие коврижки. Найдутся другие... С таким простеньким делом и они справятся.

Да неужто не дрогнет у папки сердце? Ужель не поймёт он: не стоит и одной слезинки невинно мучаемого дитяти вся его так называемая выгода от молчания?

Дрогнет!.. Какой ты ни есть душегуб и зверюга, но когда пытаются твоё ещё не родившееся дитя – всё подпишешь и во всём сознаешься!.. Силён инстинкт самосохранения, но инстинкт продолжения рода сильнее.

Но не беременна Колумбина, вот в чём фокус. Да и вообще пустотелка... По оперативным данным (один из секторов некоторое время назад спал с нею), в детстве переболела чем-то по женской части и с тех пор родить не может... Жаль!

Родители у Гири умерли уже. Сестер и братьев вроде бы нет. Стоп, стоп, как это нет... Есть брат, старший!..

Шуршу бумажками, нахожу нужную... Точно, есть брат – Петренко Федор Николаевич, 52 года, вдовец, проживает там-то, работает плотником в жилуправлении, и по месту работы, и по месту жительства характеризуется положительно, не пьёт, не курит, не говоря уж о наркоте... Насчёт дамского пола нет данных, но жена была, два года назад умерла, значит, не извращенец... И детей не имеет, единственный родич – младший брат. Любит его, с детства заботится о нём, непутёвом... Когда тот оба раза сидел, регулярно посылки ему посылал, навещал даже. Вот оно! Близок, совсем уж рядом со мною момент истины...

Отправляю Гирию обратно в камеру, сам же начинаю готовить комбинацию...

Подстава

Тем же вечером в двери скромной холостяцкой обители Фёдора Николаевича Петренко позвонили – неназойливо и просяще, как и полагается звонить воспитанным людям. Он открыл, увидел на пороге своего участкового, а вместе с ним меня, и ещё двух граждан.

«Проверка паспортного режима! – бодро сообщил участковый. – Я-то тебя знаю и уважаю, Николаич, но сам понимаешь – служба!..»

А Фёдор Николаевич и рад-радёшек. Одинок ведь, любой гость – подарок. Не знаешь, как и принять его, бесценного...

И впустил нас в свой дом, наивный... Жизни не знает, ума не избыток, с милицией ранее плотно не контактил. Кто побашковитее и соображает про окружающее, тот мента без санкции прокурора к себе не впустит и без той же санкции на арест или задержание никуда из квартиры вместе с ментом не уйдет... В твои годы, отец, нельзя быть наивным.

Обстановка на адресе скромная, «а-ля пролетарий середины 70-х», то есть мебель куплена ещё тогда. Ковры, хрусталь, золото, инвалюта, прочие изыски здесь и не ночевали. Но чистенько, по холостяцким меркам уютно. На стене фото некрасивой женщины в самодельной «траурной» рамке, одно-единственное облезлое кресло в углу. Я устраиваюсь в нём, а участковый усаживается на стуле (за день находился, рад дать отдых натруженным ногам!)

Фёдор Николаевич не знает, чем нас угостить, робко предлагает чай с сухариками. Оно бы и неплохо почаёвничать, но время не ждёт: «Извините, не можем – служба!»

Участковый деловито листнул страницами предъявленного хозяином паспорта, я тоже кошусь краем глаза. Вроде нормалёк, без вырванных страниц, смазанных печатей или косо наклепленной фотографий... Но возвращать паспорт участковый не спешит, держит в руках, задавая какие-то второстепенные вопросы, и всё с улыбочкой, душевно, по-домашнему, почти по-родственному... Тут-то я, всеми подзабытый, бросающий по сторонам цепкие взгляды, неожиданно воскликнул: «О, а это что такое?!» И мигом извлёк из-под кресла валяющийся там пакетик с веществом, напоминающим наркотическое. Подношу к носу, смачно нюхаю, словно кусок ветчины, сообщая окружающим: «Кажись, конопля!..»

У наблюдавшего эту картину Фёдо-

ра Николаевича отвалившаяся от изумления нижняя челюсть с глухим стуком падает на пол. Участковый тоже нюхает, и хотя у него хроническим насморком заложен нос, авторитетно подтверждает: «Да, кажись... оно!..» А граждане у порога ничего не говорят, но смотрят в оба, они ж «свидетели!»

«Постойте, какая конопля?.. Полчасика назад я подметал в комнате, и под креслом ничего не было!» – руками вставив челюсть на прежнее место, с жалкой улыбочкой уличённого в многолетнем каннибализме попытался объяснить Фёдор Николаевич, смутно надеясь, что шутка это, смешной ментовский розыгрыш. Сейчас мы скажем, что пошутили, и вместе дружно посмеёмся...

Но нам не до розыгрышей. Опасный бандит Гиря должен сесть в тюрьму.

Участковый усыпляет бдительность хозяина успокаивающим бормотанием: «Да ладно, Николаич, чего ты... Я ж понимаю, случайность... Сейчас пойдём в райотдел и там разберёмся...», а сам уж строчит на бланке протокола: «Такого-то числа по такому-то адресу в присутствии понятых таких-то нами изъято...» Понятые вписывают в протокол свои подписи и данные из случайно оказавшихся при них паспортов.

Вялые попытки Фёдора Николаевича уклониться от скорого проследования в РОВД пресекаются мягко, но решительно, во дворе у подъезда нас уж заждался «уазик» (ввиду важности операции его приказал выделить мне начальник угро), едем!..

...Через 40 минут в своём тесном кабинете я уж нависаю над испуганно съёжившимся на табурете Фёдором Николаевичем и со зверской рожей ору: «Говори, тля, откуда наркота?! Кто поставщики?! Адреса, явки, имена наркокурьеров!.. Отвечай, пистон анальный, пока я не начал сердиться!..»

Он что-то неразборчиво бормочет. Тогда я болезненно бью его ладонями по ушам, тычу пальцем в глаз, бью кулаком под ребро... Он вскрикивает, ле-

печет жалобные оправдания, но зачем они мне? Я и не слушаю...

Моя цель другая – довести его до нужных кондиций. Он должен выглядеть как человек, оказавшийся на дне отчаяния, а чтобы так выглядеть, нужно таким и быть...

Несколько раз мне приходилось пытаться людей положительных, лично мне даже нравящихся, с высокими моральными качествами, но либо по роковому стечению обстоятельств оказавшихся замешанными в совершении неких преступлений (скажем, его ребёнок заболел, и он украл деньги на лекарства) и не желающих сознаваться в них, либо и вовсе ничего плохого не совершивших, но отказавшихся сообщить мне важную информацию о ком-то из ближайшего окружения... До самой последней секунды они не верят, что их будут бить!.. Нет, они читали в газетах и слышали от знакомых, что в милиции иногда применяют меры физического воздействия, но по их понятию с НИМИ такое случиться никак не может!.. Ведь бьют бандитов. Они же кристально честные и добропорядочные граждане (в последнее время модно добавлять: и добросовестные налогоплательщики). Милиционеры не могут этого не видеть... «Да нет, они не посмеют меня избить!»

Но я их бью. И такое изумление в их глазах!.. О, с этим ничего не сравнится... Тут главное не сама физическая боль, а нравственные мучения. Душа взрывается изнутри под грузом рухнувших иллюзий...

...Перекурив у окна, возвращаюсь к Петренко и начинаю по следующему заходу: «Как это ты не знаешь, откуда наркота?! Уж не хочешь ли ты сказать, что мы тебе её подбросили?! Ах, не хочешь... Спасибо и на этом... На†тебе!.. На!.. На!.. Тварь!.. Блин кривобокий, говори правду, пока я не забил тебя, как мамонта!»

И тычу, тычу в морду ему протокол изъятия у него на адресе конопки; как говорится, факт налицо, я его не придумал, наркотики откуда-то в квартире

у гражданина Ф.Н. Петренко взялись!.. Либо пусть убедительно объяснит их происхождение, либо следствие, «встать, суд идёт!», суровый приговор и уводящий навстречу горю и бесчестию конвой!..

Так надо, верю в это, и его смог бы убедить в своей правоте, но нельзя говорить ему правду. Правила игры требуют конспирации, потому немного и сержусь на его стенания и слёзы, – зачем грузит мою нервную систему?! Мне и без его стонов тяжко.

Сквозь его болезненное всхлипывание доносится: «Я... не понимаю... откуда они взялись...» Не понимает он, видите ли... Простофиля!..

...Ещё через полчаса, когда на табурете уже не уважаемый член общества сидит, а сгорбленный, тихо стонущий комок боли и отчаяния, в кабинет вводят Гирю. Моя задача: он должен увидеть старшего брата и иметь возможность перекинуться с ним парой слов, чтобы постичь ситуацию, но их общение не должно быть долгим, чтобы не успел что-то брату посоветовать.

«Федя, ты?!» – ахнул Гиря на пороге, не веря глазам своим.

При виде родного лица у Фёдора Николаевича пробудилась надежда. Он с диким воем кинулся к нему, обнял, обхватил руками, как свою последнюю надежду, стал клясться со слезами, что не хранил дома никаких наркотиков, и сам не поймёт, откуда же они взялись...

«Под протокол наркоту изъяли?.. При понятых?» – быстро переспросил умудрённый Гиря, и брат кивнул, не понимая многозначительности этого обстоятельства.

Его тотчас увёл конвой. Я заранее указал конвоирам посадить его в камеру к не самым буйным, свой номер он отыграл, нечего теперь его лишний раз мучить без производственной надобности.

«В третью камеру его!» – показательно кричу я вслед. (На самом же деле его отведут во вторую.)

Гиря вздрогнул: «Но там же одни туберкулёзники!» Я развёл руками: «Ну

и что?! А остальные камеры переполнены...»

Тут для краткости пропускаю большой кусок. О том, например, как взъярившийся Гиря пытался дать мне в морду и в результате сам получил в челюсть... И потом, прикованный наручниками к табурету, материл меня так виртуозно, что некоторые из его выражений хотелось записать, чтобы затем со смехом цитировать на дружеских пьянках с коллегами.

...Но спустя пару часов от криков и ругани мы перешли на ровный, деловой тон высоких переговаривающихся сторон. Я ведь не враг Гире, очень мне надо, а просто при данном раскладе его место в тюрьме. Да он и сам это понимает.

Ничего личного. Это – моя работа. Мои условия: Гиря даёт «явку с повинной» и садится на 6 лет (меньше суд никак дать не может, с учётом его криминального прошлого), а я немедленно отпускаю его брата «вчистую». Если Гиря откажется, его завтра же отпустят ввиду «недоказанности», брата же отправят в СИЗО, где он будет дожидаться суда, который может состояться и через три месяца, и через полгода, и через год... (Со смехом я рассказал Гире, как один «закрытый» мною мелкий бандюган дожидался суда в изоляторе целых три года!)

На суде при грамотной защите дело о хранении наркоты скорее всего рассыплется, и выйдет Фёдор Петренко на волю... Но в каком состоянии, вот вопрос?.. Год в камере, среди отбросов общества... спидоносцев, туберкулёзников, сифилитиков... Среди прочего, желающего надругаться над незащитным человеком зверья... Немало и даже очень много для психики старшего Петренко!.. Никогда уж ему не оправиться, раздавит его год тюрьмы на всю оставшуюся жизнь.

Гире некуда деться!.. Брат – единственное, что у него осталось в этой жизни. Случись сесть по новой (рано или поздно это неизбежно!), кто же передачи ему слать будет?!

И Гиря сдался. Подписал признания насчёт Смитлицкой: «Я грабил... Оружие там-то... золотишко сбыл такому-то...»

Я его сделал. И пока записывал его показания, Гиря с нехорошим прищуром смотрел на меня. Запоминающие у него были глаза.

А, плевать!.. Не хватало ещё уголовной швали бояться... Много чести!

Я – опер, и дело моё правое, а он – бандит, сволочь, гад, таких давить как вшей... Скольким хорошим людям успел напаскудить!.. Да и братика, по сути, подставил... Брат рецидивиста – это ведь и не почётно, и не безопасно...

Да и потом, когда через шесть лет выйдет Гиря на свободу (если выйдет!), не о мести он будет думать, а о том, где взять деньги на лекарства, чтобы подправить испорченное заключением здоровье...

«Когда освободят брата?» – поднимаясь с табурета, спросил Гиря. Молодец, что напомнил, я о Фёдоре Николаевиче уж и забыть успел.

«Немедленно!» – ответил я с лёгким сердцем. (Тут врать опасно, через короткое время он всё равно узнает, что соврали ему.)

И Гирю увели.

Налюбовавшись столь трудно доставшимися показаниями бандита, я приказал привести Петренко-старшего. Через несколько минут его доставили в кабинет.

Всего часа три мы не виделись, а как изменился человек!.. Трясётся, как банный лист, вздрагивает от малейшего шороха... Глаза воровато бегают по сторонам, в поисках лазейки для спасения... На затравленной фигуре – тень обречённости... Всего 180 минут вдалеке не самой худшей из наших камер – и каков эффект!..

А если бы 15 суток внутрикамерной обработки в ИВС? А полгода в СИЗО? А лет пять в «зоне»?!

«Ну что, сучий потрох...» – с грозным видом начал я, но тут же спохватился (не та ситуация, тон не тот!), вы-

бежал из-за стола, заторопился к нему с вытянутой для дружеского рукопожатия рукой.

Он отшатнулся, опасаясь, что опять буду бить его по глазам, но я успеваю поймать его ладонь, крепко жму, радостно восклицаю: «Ну вот, Фёдор Николаевич, мы во всём внимательно разобрались, и оказалось, что вы невиновны...»

«Я невиновен?!» – подпрыгнул он на месте от неожиданности и уставился на меня так, словно перед этим зарезал тысячу человек, а сейчас ему сообщили, что минуту назад они все поголовно воскресли!

Охотно подтверждаю: «Невиновны, совершенно! Мы отдали найденное у вас вещество на экспертизу. Только что эксперт дал заключение, что в пакетице не наркотик, а так... безобидная сушёная травка... Вы были задержаны по ошибке, дорогой Фёдор Николаевич! В связи с этим и от своего имени, и от имени руководства хочу принести вам наши искренние извинения!.. Простите нас, мы больше не будем...» – С этим жизнеутверждающим обещанием я крепко пожал ему руку.

«Но откуда же это у меня взялось?!» – чуть ли не со всхлипом высказал он выстраданное. «Наверно, хулиганы в окно подбросили!» – улыбочиво предположил я.

Он бледно улыбается, подозревая меня в очередном подвохе. Вот сейчас я перестану истекать любезностями, вот сейчас с размаху ударю его дубинкой по почкам или вмажу кулаком в солнечное сплетение, вот сейчас... Но у меня и в мыслях такого нет!..

Пусть обвиняют ментов в чём угодно звонкоголосые, не желающие знать реальной жизни журналисты-правдоборцы, но сами мы про себя понимаем, что в конечном счёте стараемся именно для таких вот порядочных людей, чтоб поменьше натыкались они в жизни на всякую нечисть... Это их интересы мы отстаиваем, это за их покой боремся.

А что в интересах дела порою приходится и их самих обидеть ненароком,

ну так простите нас, родные!.. Иначе нельзя, иначе не получается.

«А как же протокол?!» – всё ещё не верит своему счастью Фёдор Николаевич.

Молча достаю из лежавшей на столе папки злосчастный протокол, демонстративно рву на тысячу маленьких кусочков, швыряю вверх. Бумажные лепестки, кружась, падают на пол, провожаемые зачарованным взглядом Петренко.

(Бумажки сыграли свою роль и больше не нужны. Это не значит, что я не подстраховался на случай, если Гиря, задумав переиграть, даст обратку: в обивку кресла в квартире Фёдора Николаевича я засунул два патрона от пистолета «ТТ». В случае необходимости при следующем обыске они будут «найденны» при понятиях. Тогда оформляем «хранение боеприпасов» и кидаем Петренко-старшего в СИЗО уже по этой статье УК).

«Так я могу... уйти?..» – всё ещё не врубается мой гость. Радостно киваю. Дескать, спасибо за то, что нашли время нас навестить... Будет желание, забегайте ещё, мы вам всегда рады!..

Как легко сделать счастливым нашего человека... Арестуй его ни за что, измордуй, по-всякому надругайся, дай почувствовать всю глубину своего бессилиия и горя, ну а затем сообщи обрадованно, что произошло маленькое недоразумение и он может катиться на все четыре!..

Я заверил Фёдора Николаевича, что свободен он абсолютно и безоговорочно.

Его лицо ожило. Он вдруг начал громко смеяться, балагурить, несколько раз благодарственно пожал мне руку (ту самую, которой я его мордовал), пригласил меня в гости.

Я вежливо хихикаю, неприметно (но так, чтобы ему было заметно) смотрю на часы.

Он кивает, всё поняв. Моё время бесценно и всецело принадлежит государству. Ещё не все бандиты пойманы.

Спохватившись, спросил тихо: «А брат?.. Что с ним? Его отпустят?»

Ждёт, видимо, что и тут я его обрадую. Но радовать нечем, однако и огорчать сейчас не стоит, и так мужик переволновался. Заверяю, что и с братом тоже... разберёмся внимательно и объективно, но чуть позже.

Он удовлетворён и снова на вершине блаженства. На прощание даже попытался обнять и расцеловать меня. Но тут я уж начеку. Мало ли какую заразу в камере он за эти часы успел подхватить...

Опять мы жмём друг дружке руки, и наконец-то он уходит.

Стоя у окна, наблюдаю, как через пару минут он выходит из здания РОВД, провожаемый самим дежурным. Фёдор Николаевич и ему пожал руку, удосто-

ившись ответного похлопывания по плечу, потом быстро пошёл прочь.

Провожая его взглядом, вижу, как он поминутно оглядывается, наверняка опасаясь, что сейчас из РОВД выбежит орава амбалов с дубинками и кинется вслед за ним с криком: «Стой!.. Тебя по ошибке выпустили!»

И какой ни есть я закалённый в боях с преступностью оперюга, но и моё сердце болезненно сжалось. Ненароком не лишка ли я зашиб хорошего человека?

Эх, батя, зря ты так. Мы ж тут тебе не гестапо какое-нибудь... Мы – милиция!

У нас честных людей не сажают.

*Рассказ пожелавшего
остаться безымянным
сотрудника уголовного розыска
записал Владимир Куземко*

